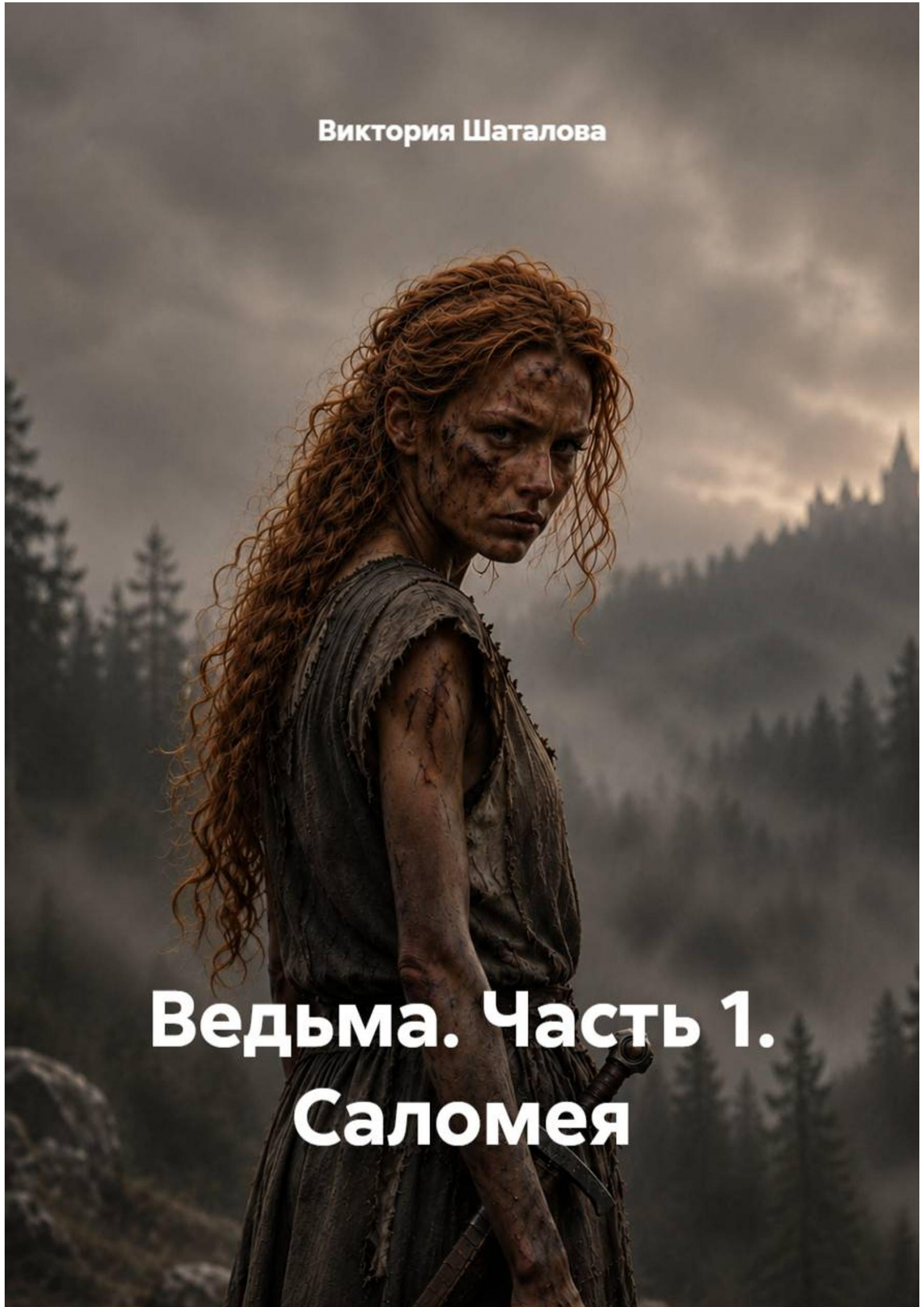

A movie poster for 'The Witch: Part 1. The Village'. It features a woman with long, curly red hair, wearing a dark, tattered dress, looking over her shoulder. She has dirt and blood on her face and arm. The background is a misty, dark forest with a castle visible in the distance under a cloudy sky.

Виктория Шаталова

**Ведьма. Часть 1.
Саломея**

Виктория Шаталова

Ведьма. Часть 1. Саломея

«Автор»

2026

Шаталова В.

Ведьма. Часть 1. Саломея / В. Шаталова — «Автор», 2026

Ночь. Лес. Погоня. Саломея бежит, сжимая в руке меч человека, который отдал за неё жизнь. Её преследуют баронские псы, а в ушах всё ещё звучит шёпот: «Беги, не оглядывайся». Когда-то она была просто Авелин — дочерью кузнеца, которая поверила рыцарю с красивой улыбкой. Платой за доверие стало предательство, грязь и изгнание. Но она не погибла в лесу. Она стала Саломеей — той, кто умеет ждать и убивать без дрожи. Эта история о том, как рождаются ведьмы. О крови на вереске, о голосе из каменного мешка и о том, что настоящая свобода начинается только после того, как потеряешь всё.

© Шаталова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Лето, которое сожгло меня	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Виктория Шаталова

Ведьма. Часть 1. Саломея

Глава 1. Кровь на вереске

Я бегу.

В груди не воздух – мелкие осколки. Каждый вдох режет изнутри, я слышу, как хрипит горло, как в нём булькает что-то мокрое. Глаза слезятся от пота, я не вижу земли – только мелькают серые пятна мха, чёрные корни, жёлтые листья. Платье – я не помню его цвета – висит мокрыми лохмотьями, липнет к ногам, путается в коленях. Я отдираю его рукой, ткань рвётся, но тут же налипает снова.

Сзади лай. Не один голос – стая. Баронские псы, их учили брать след по крови и поту. Я выжата как тряпка, вся мокрая, и ветер дует в мою сторону, значит, они чуют меня за полмили, может, меньше.

Я спотыкаюсь о корень, падаю на колени. Грязь брызгает в лицо, в рот. Я чувствую вкус торфа, прелых листьев и земли. Я пытаюсь встать, и в этот момент меч, висящий на поясе, бьёт меня по бедру. Кость ноет, будто треснула. Я сдерживаю крик, зажимаю рот ладонью и смотрю вниз.

Меч Томаса. Рукоять обмотана старой кожей, протёртой до дыр. Пахнет потом и железом – его потом, его руками. Я ещё помню, как он сжимал эту рукоять, когда мы пробирались коридорами замка. Он сжимал её так, что костяшки побелели, а сам дышал мне в ухо: «Ничего не бойся».

В ушах – его голос. Сорванный шёпот: «Просто беги. Если я упаду – не оглядывайся». Я тогда хотела сказать ему что-то важное, но мы бежали, и я не успела. Я даже не помню, какое это было слово. Только чувствую, как оно застревает в горле, когда я сжимаю его меч.

Я встаю. Ноги дрожат, колени подгибаются, но я делаю шаг. Второй – тяжелее, третий – ещё тяжелее. Надо уйти. Если они настигнут меня здесь, в этом лесу, они не поведут меня обратно в каземат – они убьют на месте. Барон отдал приказ: «Живую не брать». Он сказал это мне в лицо, когда его люди вязали меня. Он стоял в пол-аршина от меня, брызгал слюной, и я видела его старые, выцветшие глаза.

Я отмахиваюсь от воспоминания. Сейчас это не важно.

Лай ближе. Я слышу, как собаки рычат, как их лапы чавкают по мокрой земле. Они уже не просто за мной – они настигают. У меня может быть пять минут, может, десять. Если я найду реку или ручей – след оборвётся. Но я не знаю, есть ли здесь вода. Я вообще не знаю этого леса.

Я оглядываюсь на бегу. За кронами деревьев – шпили замка. Серые, острые, как клыки. Мне кажется, я вижу дым из труб казематов – или это у меня в глазах темнеет.

Платье снова цепляется за куст. Я резко дёргаю его, слышу треск – подол остаётся на ветках. Теперь я в лохмотьях до середины бедра, ноги голые, вереск царапает кожу до крови. Я чувствую, как капли текут вниз, смешиваются с грязью и болотной жижей. Мне не больно. Или больно, но я перестала различать.

Я мчусь вперёд, не разбирая дороги. Ноги скользят по мокрой траве, я падаю, встаю, бегу. Лес вокруг меня – тёмный, враждебный. Он не знает меня, и я не знаю его. Я слышу, как за спиной трещат ветки – погоня.

И вдруг слева, в папоротнике, раздаётся резкий шорох. Я реагирую без мысли – разворот, удар, меч Томаса со свистом врывается в зелень. Я чувствую, как лезвие встречает мягкую плоть, как оно входит и останавливается о кость. Влажный хруст. Кровь брызгает мне на пальцы – тёплая, липкая.

Я замираю. Дышу через рот. Медленно раздвигаю ветки клинком.

На земле, в луже быстро темнеющей крови, лежит заяц. Большой, серый, с длинными ушами. Одна лапа ещё дёргается, из бока толчками вытекает алая струя. Мох под ним становится тёмно-багровым. Глаза у зайца выпученные, стеклянные – он смотрит на меня, но уже не видит.

Я смотрю на него. Дрожь пробегает по спине. Это не страх – это облегчение. Просто заяц. Не охотник, не пёс, не баронский палач.

Я опускаюсь на корточки, кладу меч на траву. Пальцы дрожат, когда я беру зайца за уши. Он тёплый, тяжёлый, мускулистый. Он жил, бегал, жевал кору – и вот он у меня в руках, мёртвый. Я не могу вернуть его.

Ну что, косой – говорю я хрипло. – Повезло тебе, что я не голодная. – Я провожу ладонью по его шерсти. – А знаешь, я ведь тоже когда-то была как ты. Думала, что если затаюсь – меня не заметят. Но зайцев едят, ушастый. Надо было не бояться, а кусаться.

Я встаю. Закидываю зайца на плечо – он будет мне ужином, если я доживу до вечера. Привязываю его ремешком от пояса, тушка стучается о бедро – тяжёлая и тёплая. Поднимаю меч Томаса, вытираю о траву, кладу в ножны.

И тут снова лай. Совсем близко. Они уже в четверти мили, может, меньше.

Я бегу. Теперь не разбирая дороги, просто вперёд, туда, где деревья реже. Заяц бьётся у меня за спиной, я чувствую, как его кровь капает на голую кожу, и это странно успокаивает – я не одна, даже если вторая – мёртвый зверь.

Ветки хлещут по лицу, оставляют красные полосы. Я зажмуриваюсь на мгновение, и в темноте перед глазами вспыхивает лицо Томаса. Он улыбается – его последняя улыбка, когда он отдавал мне меч. Он сказал: «Ты справишься». Я не ответила, потому что стрела уже входила ему в спину, и он падал в грязь, а я цеплялась за его руку, пальцы скользили по его пальцам, и я не могла удержать его.

Открываю глаза. Слез нет – они высохли.

– Ты говорил, я не ведьма, – шепчу я в пустоту. – Ты говорил: у ведьм мёртвые глаза, а у тебя живые. А теперь у тебя мёртвые, а у меня – всё ещё горят.

Где-то за деревьями слышу крик:

– Она там! Вижу следы!

Топот. Несколько пар ног. У них факелы – я вижу отблески на стволах. Их много.

Я сворачиваю в чащу. Ноги утопают во мху, я тону по щиколотку, выдираю ноги из болотной каши. За мной чавканье – они тоже вязнут.

Я останавливаюсь у старого дуба, прижимаюсь спиной к коре, сжимаю рукоять меча. Сердце колотится как кузнечный молот. Я вспоминаю отца, как он бил по раскалённому железу – раз, раз, раз – и искры летели во все стороны. Сейчас искры – мой страх. Я должна их погасить.

Я открываю глаза. Смотрю на меч.

– Ну что, Томас – говорю я. – Ты хотел, чтобы я жила. Я живу. Если они настигнут меня, я убью хотя бы одного. Ради тебя.

Они приближаются. Я слышу голоса:

– Она где-то здесь! Ищите!

Где-то слева тявкает собака. Впереди обрыв. Я не знаю, глубокий ли он – но я не вернусь в замок.

Я делаю шаг вперёд. Заяц качается на поясе. Кровь капает на мох – кап, кап, кап. Каждая капля – секунда.

И вдруг – тишина. Голоса стихают. Собака замолкает.

Я стою, не дыша. Вслушиваюсь. Только ветер и деревья. Где-то далеко кричит сова.

Я не понимаю, что произошло. Но я не жду разгадки. Разворачиваюсь и бегу к обрыву. Если упаду – значит, так надо.

Я бегу. Земля уходит из-под ног. Ветер свистит в ушах. Заяц бьётся о спину, как второе сердце.

Я бегу. Томас велел мне бежать. Агнес сказала: «Ты выйдешь». Мэри, Финн, Оуэн, Годрик – они ждут меня за этим лесом. Я не могу оставить их без песни.

Я бегу. И не останавливаюсь. А память возвращает меня к тому, с чего все началось.

Глава 2. Лето, которое сожгло меня

В кузнице пахло углём и раскалённым железом. Он был моим воздухом с тех пор, как я научилась держать клещи.

Отец стоял у горна. Пот стекал по его волосам, капал на раскалённую полосу железа, и она шипела, испуская белый пар. Молот в его руке поднимался и опускался с ритмом, который я знала лучше собственного сердцебиения: тук-тук-тук – пауза – тук. Я сидела на чурбаке у стены и точила нож. Камень скрипел, лезвие скользило, я прикусила губу, чтобы не сбиться. Отец учил меня: если отвлекаешься – пальцы останутся на точиле. У меня на левой ладони до сих пор был шрам от его первого урока.

– Не кривись – сказал он, не оборачиваясь. – Ты же не какая-нибудь барышня, которая боится мозолей.

Я не ответила. Отец всегда говорил, когда работал. Ему нужно было, чтобы кто-то слушал, чтобы слова шли вместе с ударами молота. Мать давно перестала заходить в кузницу – она говорила, что шум у неё в голове.

– Нашёл я тебе жениха – сказал он вдруг, и молот на миг замер. – Сын мельника. Парень хоть и глуповат, но руки золотые. Мельница его. Хорошо жить будете.

Я перестала точить. Смотрела на свои руки – грубые, с обломанными ногтями, с ввевшейся в кожу сажей.

– Я не хочу замуж – сказала я тихо.

Отец усмехнулся, не поворачиваясь.

– Дурочка. Замуж выходят не потому, что хотят, а потому, что надо. Ты скоро останешься одна. Кто тебя кормить будет?

– Я сама себя прокормлю, буду как ты, кузнецом – сказала я, сжимая нож.

– Кузнецом? – он хмыкнул и выпрямился, вытирая лоб. – Девка-кузнец. Смех один. Никто не даст тебе заказ.

Я ничего не сказала. Спорить с отцом было бесполезно. Он любил меня, но он был человеком своего времени. Женщина у горна – позор. Женщина без мужа – ничто.

Я встала, положила нож и вышла во двор. Воздух снаружи казался ледяным после кузнечного жара, хотя июльское солнце стояло в зените. Я подошла к колодцу, умылась. Вода была холодной, почти ледяной. Я смотрела на своё отражение, пока круги не успокоились. Рыжие волосы, собранные в небрежную косу. На щеке – сажа. Глаза – зелёные, отцовские. Я не была красивой. Но в них был какой-то огонь, которого я сама боялась.

И тогда я услышала стук копыт.

Он ехал по дороге, которая вела к нашей кузнице. На вороном коне, в дорогом плаще, с арбалетом за плечом. Солнце играло на его светлых волосах. Он двигался так, будто вся земля принадлежала ему.

Когда он поравнялся с нашим плетнём, он остановился. Оглядел двор, потом его взгляд упал на меня. Я стояла с мокрым полотенцем в руках, в старом платье, босая, но чувствовала себя голой под его взглядом.

– Эй, девочка, – окликнул он. – Твой отец здесь?

Я открыла рот, но слова застряли в горле. Он был красив. Не той красотой, что на картинках святых, а опасной красотой хищника.

– Он ушёл к соседям, – выдавила я. – Но, если вам нужна подкова или гвоздь, я могу... я умею.

Он усмехнулся, спешил и подошёл к калитке. Я почувствовала запах его духов – лес, мускус, что-то сладкое и пряное. Такого я никогда не нюхала.

– Кузнецова дочка, – протянул он, оглядывая меня. – А ты смелая. Не каждая девушка скажет, что умеет работать с молотом.

\– Я с детства помогаю отцу\, – сказала я.

– Как тебя зовут?

– Авелин.

– Красивое имя, – он улыбнулся. – А я сэр Гилберт. Рыцарь. Ищу ночлег на ночь. Могу заплатить.

Он вытащил из кармана монету и бросил её мне. Я поймала – серебро обожгло ладонь. Больше, чем отец зарабатывал за месяц.

– Я скажу отцу, – пролепетала я и побежала в кузницу, чувствуя, как его взгляд скользит по моей спине.

Отец вернулся через час. Гилберт сидел на крыльце и точил меч. Я боялась подойти к нему. Боялась, что он скажет что-то ещё, от чего у меня подогнутся ноги.

Но он не сказал. Только подмигнул мне, когда отец подошёл к калитке.

Мы ужинали втроём. Мать накрыла стол, хотя у неё тряслись руки – она тоже никогда не видела дворян так близко. Я сидела напротив Гилберта и смотрела, как он ест: медленно, аккуратно, будто каждый кусок хлеба требовал внимания. Он рассказывал о битвах, о турнирах, о замках. И я видела эти замки, слышала звон мечей, чувствовала запах факелов.

После ужина он вышел во двор. Я сидела на крыльце, обхватив колени, и смотрела на луну. Он подошёл, сел рядом.

– Ты не похожа на деревенских – сказал он. – У тебя глаза с огнём. Ты мечтаешь о большем, чем этот двор?

– Мечтаю, – вырвалось у меня. – Но отец говорит, что это не для женщин.

– Твой отец старомоден, – он взял меня за руку, и я почувствовала, как по телу разливается странное тепло. – Я мог бы показать тебе мир. Если ты захочешь.

Я задохнулась. Смотрела на его руку, на наши переплетённые пальцы. И думала: «Это любовь. Это судьба».

Он повёл меня на сеновал. Я шла за ним, как слепая. Пахло сухой травой и летом. Он поднялся первым, потом протянул мне руку.

– Иди сюда – сказал он. – Я не укушу.

Я поднялась. Он сидел на сене, сняв плащ, и смотрел на меня. Я села рядом, оставляя пустоту между нами, но он тут же подвинулся ближе.

– Ты ведь хочешь этого? – прошептал он, нависая надо мной. – Ты не боишься?

Я не боялась. Я горела. Его рука легла мне на плечо, потом на шею, и я чувствовала, как кожа покрывается мурашками. Позволила ему коснуться меня. Позволила развязать тесёмки. Я смотрела в тёмное небо сквозь дыру в крыше и шептала про себя: «Сейчас я стану другой».

А потом он сказал:

– Ты девственница?

– Да, – прошептала я.

Он усмехнулся. В этой усмешке я впервые услышала то, что потом буду вспоминать много лет. Не нежность. Удовольствие. От того, что он берёт то, чего никто до него не брал.

Он вошёл в меня, и я закрыла глаза. Думала о замках и гобелены. Думала о том, как завтра мы уедем вместе.

Утром я проснулась от холода. Сеновал был пуст. Я села, натягивая рубаху, и услышала голоса внизу. Гилберт и отец. Я выглянула в щель между досками и увидела, как он затягивает подпругу.

– ...вещица ценная – говорил Гилберт. – Мне нужна была лошадь, а платить монетой я не хотел. Но ваш товар был лучшим в округе.

– Что? – отец нахмурился.

Гилберт засмеялся. Громко, нагло. Он хлопнул отца по плечу.

– О вашей дочери, конечно. Отличная, свежая, горячая. Спасибо за ночлег.

Я не могла дышать. Гилберт уже взялся за поводья, когда я выскочила из сеновала, босая, растрёпанная.

– Гилберт! – закричала я. – Ты уезжаешь?

Он обернулся. Посмотрел на меня так, будто видел впервые. И усмехнулся – той же усмешкой, что и ночью.

– Дела, милая – сказал он и наклонился, чтобы поцеловать меня в лоб. Его губы коснулись кожи, но я не чувствовала ничего, кроме холода. – Не скучай.

Он ударил коня и исчез за поворотом.

Я стояла во дворе. Смотрела, как он уезжает, и чувствовала, как внутри умирает что-то важное.

– Ты что наделала, дура! – голос отца прозвучал как пощёчина.

Я обернулась. Он стоял у порога, и его лицо было красным, глаза – бешеными.

– Папа, я...

– Я не спрашиваю, что ты делала! – он замахнулся и ударил меня по лицу. Первый раз в жизни. Я упала на землю, чувствуя, как кровь заливает губу. – Ты опозорила меня на всю округу! Какая тебе теперь цена?

– Папа, я любила его, – прошептала я, прижимая ладонь к разбитой губе. – Он обещал...

– Он наврал тебе! – отец сжал кулаки. – Ты такая же дура, как и твоя мать!

Слова резали сильнее, чем его кулак. Я попыталась встать, но он схватил меня за плечи и толкнул к калитке.

– Убирайся! – рявкнул он. – Ты больше не дочь мне. Иди, куда хочешь, но, чтобы ноги твоей здесь не было!

Я выбежала во двор. Мать стояла у порога и плакала. Она смотрела на меня, и в её глазах был только стыд. Ни капли жалости.

А у калитки уже собиралась толпа. Соседи, старухи, мужики. Они смотрели на меня, как на чуму. Кто-то плюнул в мою сторону, кто-то закричал:

– Ведьма! Растлила рыцаря!

– Сжечь бы её!

– Вон из деревни!

Я попятилась, и чья-то рука толкнула меня в спину. Я упала в грязь. Гнилое яблоко ударило по затылку. Я попыталась подняться, но кто-то пнул меня в бок.

– Я ничего не делала! – закричала я. – Это не я!

Они не слушали. Они гнали меня за околицу, как дикого зверя. Я бежала, спотыкаясь, в рваном платье, босая, с кровью на лице. Бежала, не понимая куда. И когда я остановилась, когда упала на колени и разрыдалась, я была одна. Совсем одна. Только лес вокруг и дорога, уходящая в никуда.

Я сидела на мокрой земле и выла. Я не знала, сколько прошло времени – час, два, может, больше. Но когда я подняла голову, я увидела свет. Впереди, в лесу, горел костёр. Мне было все равно, что будет дальше, поэтому я пошла в его сторону.

Возле костра сидело четыре человека. Старик, карлик, женщина со смоляными волосами и здоровяк.

– Эй, девочка – сказал старик, и в его голосе не было удивления, как будто каждый день к ним на костер приходили зареванные девочки. – Ты совсем замёрзла? Садись.

Я села у огня, и он протянул мне кружку тёплого эля. Я взяла её дрожащими руками и выпила залпом – горько, обжигающе, но внутри стало теплеть.

– Что случилось? – спросил он.

– Меня выгнали, – выдавила я. – Я опозорена, и все считают меня ведьмой.

Он хмыкнул и засмеялся – низким, добрым смехом, от которого у меня защипало в глазах.

– Ой, глупая! Да нас тут каждый второй – «ведьма». Вот Мэри, – он кивнул на женщину, которая сидела у костра и чинила плащ, – её тоже выгнали из деревни, потому что она зашибла мужа на ярмарке. А Финна – за то, что он слишком правдив. Мы все изгои, девочка. Добро пожаловать в семью.

– Меня зовут Оуэн – сказал старик. – А тебя как?

– Авелин.

– Авелин - покатал мое имя старик в своем почти беззубом рту и покачал головой. - Нет, это имя зарезанной девочки, заблудшей в лесу. - Будешь Саломеей. Так звали одну царевну, которая умела танцевать и кружить головы мужчинам. И, говорят, она не боялась никого. Тебе подходит.

Я посмотрела на кружку в своих руках. Эль остывал, но внутри меня разгорался какой-то новый огонь. Я сжала пальцы и сказала:

– Саломея. Хорошо.

И с того дня я стала ею.

Мы сидели у костра до самого утра. Я не спала – просто смотрела на угли и слушала, как они дышат. Оуэн дремал, привалившись к дубу. Финн свернулся калачиком у огня. Годрик сидел, обхватив колени, и смотрел в небо. Мэри чинила плащ, не поднимая головы.

Когда небо начало светлеть, Оуэн встал, потянулся и сказал:

– Собираемся. Нам нужно быть в Уэллсе через два дня.

Я поднялась, чувствуя, как ломит спину и ноют ноги. Я не знала, куда мы идём, но я была готова идти за ними – куда угодно, лишь бы не оставаться одной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.